Игорь Малышев

В СТА КИЛОМЕТРАХ ОТ МОСКВЫ

Лирические стихотворения

Орёл, 2014

УДК Р
ББК 84 (2Р)
М 20

Редактор - Андрей Фролов

Малышев И. В.
М 20 **В ста километрах от Москвы.** Лирические стихотворения. – Орёл: Издатель Александр Воробьёв, 2014. – 62 с.

«В ста километрах от Москвы» – первая книга стихов орловского поэта Игоря Малышева, лауреата Всероссийского литературного конкурса «Хрустальный родник».

Его поэтический мир ярок и самобытен, стихи проникнуты искренним интересом к человеку, его болям и радостям, к судьбе родной земли. Не оставят читателя равнодушным и любовные переживания автора – честные, открытые, светлые.

УДК Р
ББК 84 (2Р)
М 20

© И.В. Малышев, 2014
© Издатель Александр Воробьёв, 2014

«ЕСЛИ ВЫМЕРИТЬ ЖИЗНЬ ПО ДЕЛАМ»

С Игорем Малышевым я познакомился весьма интересным образом. Одна из библиотек пригласила орловских писателей поработать в жюри городского конкурса на лучшее литературное произведение, кажется, о родном Орле. Мне выпало судить работы участников младшей возрастной группы – школьников. И сразу же обратили на себя внимание две стихотворные заявки подписанные одной фамилией, только возраст разный: второклассник и пятиклассник. Призовые места в итоге ребята заняли, подарки получили, а я поинтересовался у руководителя работ (оказался один у обоих): не родственники ли? Так и есть – братья Малышевы!

В писательской организации как раз прорабатывалась идея создания детской литературной студии, и я вышел на родителей талантливых мальчишек. Позвонил, поговорил с мамой, а пришёл в дом писателей папа. Представился: Малышев Игорь Владимирович. Поговорили о детях, а уже в самом конце нашей встречи, видно, собравшись с духом, родитель неожиданно показал свои собственные стихи…

Всего два года понадобилось Игорю для того, чтобы стать победителем ежегодного

Всероссийского открытого литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» в поэтической номинации. И заслужить в качестве оценки слова члена Высшего Творческого Совета Союза писателей России С.Л. Донбая: «Поэт! Хорошие, традиционные по форме, но свои стихи, свой голос. Талант народный, жизненный, пропитан, наполнен опытом народа, русской культурой. Вот и стихи о любви настоящие».

Прошёл ещё год. Игорь по-прежнему занят своей серьёзной основной работой, на стихи у него времени нет. Но разве поэту нужно свободное время, чтобы писать стихи? Они всё равно напишутся сами.

И вот первая книга стихотворений Игоря Малышева. Пусть она небольшая. Поэт не заигрывает с читателем, не мудрит – прямо говорит то, что считает нужным сказать. Голос его чист, интонация естественна, мудрость глубинна.

А Игорю Малышеву есть, что сказать как литератору, ведь он пытается «вымерить жизнь по делам». Бог ему в помощь!

Андрей ФРОЛОВ,
член Союза писателей России

СОВПАДАЯ ПО ТОЧКЕ ОТСЧЁТА

* * *

Сколько ни слышал я звон колокольный –
Строгий, густой или звонкую трель, –
Сердце сжималось – ни сладко, ни больно,
Знал только: будет особенный день…

Мимо церквей не ходил я иначе,
Как устремив свой восторженный взгляд
В синее небо, где золотом плачет
Древних крестов драгоценный обряд.

Верю ль я, Господи? Верю, наверно,
В мудрость людей и в священную Русь.
Может не так глубоко и смиренно,
Как подобает… Но я научусь.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Ветер злющий, вездесущий
Рвёт железо старых крыш,
В трубах весело поющий
Пыль вздымает, гнёт камыш.

Тучи сходятся над лесом,
Над чернеющей рекой.
Предрекает бурю треском
Кособокий сухостой…

Крест на церкви еле виден
В мутной, серой пелене.
За окошком старый Пимен
Шлёт проклятья сатане.

С высоты раскаты грома
Извещают всех вокруг:
Кто пока ещё не дома,
Помолись – поможет вдруг.

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

Вот и крещенские морозы!
Берут, родимые, своё –
Так, что на скулах стынут слёзы,
И липнет к трубам вороньё.

У церкви пусто. Холод лютый
Прогнал людишек от ворот.
Лишь служка, временем согнутый,
Стучит лопатою об лёд.

До самых глаз натянут ворот,
Под ним морщинами – года.
А ведь когда-то был и молод,
Да не припомнится – когда?

Летят колючие осколки
Из-под калёного штыка
И звонко падают под ёлки
На глыбы мёрзлого песка.

В них отраженьем бесноватым
Былое видится, как сон –
Недаром грешен был когда-то
Седой монах Илларион.

РАДОНИЦА

Радоница! Люди радуются!
И помянуть не грех
Горьким вином да сладостями
Всех своих близких, всех.

Фрески на стенах выцвели -
Некому вынуть кисть.
Дьякон, изрядно выпивший,
Сверлит глазами высь.

Бабы у церкви в праздничном,
Скромно обедню ждут.
В узком проходе арочном
Свечи усердно жгут.

Кто-то на купол молится,
Кто-то – ко рту ладонь…
Вечером за околицей
Девок займёт гармонь.

Радость и грусть – две странницы,
Обе сойдутся в том:
Грех им на праздник Радоницы
Разом стучаться в дом.

СЕСТРЕ

Она бежит босой по лугу –
Коса завита в толстый жгут!..
Так не бегут навстречу другу,
Так от печали не бегут.

Раскинув руки, словно крылья,
С застрявшим солнцем в волосах!
Она б взлетела – столько силы
В её восторженных руках!

Она б взлетела – столько счастья
В её взволнованной груди!
И ветер стынет на запястьях,
И дали блещут впереди.

И ей навстречу гнутся травы,
Скользя, кружась, роняя цвет…
И ей ещё хватает славы
От осознанья юных лет!

* * *

Где ты, незрелая юность
С честным, скуластым лицом?
Годы крадутся, сутулясь.
Время чеканит истцом.

Неутолённая жажда
Скорый пророчит покой.
Молодость змеем бумажным
Кружит над жизни рекой.

Может быть, мы ещё скажем
Громкое слово своё.
Может быть, мы ещё даже
Лучшую песню споём,

Но одного не сумеем,
Ни пополам, ни на треть -
Вместе с сорвавшимся змеем
В синее небо взлететь!

НА РЫБАЛКЕ

Туман над тихою водой,
А в камышах – как будто всплески.
Сопит сынишка за спиной,
Впотьмах распутывая лески.

Над ним ещё воркует сон,
И он позёвывает сладко…
– А есть такая рыба-слон?
А рыба-клоун? А зубатка?

Молчим минуту, может, две…
Вода под нами розовеет.
Коряги ивовой правей
Мой поплавок дрожит, как веер.

– А червяку не больно, пап,
Когда его крючком – по пузу?
– А что всех больше любит карп?
Перловку или кукурузу?

– А что…? А если…? А когда…?
Болтает – пусть себе, не жалко.
И чёрт с ней, с рыбой. Ерунда!
Ведь это сынова рыбалка!

* * *

Я помню эту старину:
Во всём покой и постоянство,
И небогатое убранство,
И то – у времени в плену.

По стенам множество картин
И фотографий в тёмных рамах –
Как я мечтал об этих дамах,
Оставшись в комнатах один!

Повсюду кружев белизна
И запах мебельного лака,
И вглубь седого полумрака
Струится солнце из окна.

Боясь нарушить тишину,
Молчу; окидываю взглядом
Всё, что безличествует рядом
И вяжет мысль, подобно сну.

Шкафы хранящие печаль,
Чужие радости, интриги…
На полках – книги, книги, книги,
Толстой, Ахматова, Стендаль…

О, чары, высохших страниц,
Печатных строк, старинной вязи!

Я, как цыган у коновязи,
Что дышит в гривы кобылиц.

В душе моей всё та же дрожь,
Всё тот же тихий детский трепет.
И мысль взлетает, словно стрепет,
И где теперь её найдёшь?

Я помню эту старину.
Жаль, что покой и постоянство
Не спрятать внутрь пустого ранца,
Так и стоящего в углу…

МАТИЛЬДА

Какое редкое начало
Хрестоматийного конца:
Она стихов его не знала,
Не обожала в нём творца.

Лишь иногда бокал портвейна –
Её прозрения виной.
Она была женою Гейне,
Его бессмертия женой.

СОФОНИСБА

(впечатление от картины Рембрандта «Софонисба принимает чашу с ядом»)

О, Софонисба, принявшая яд!
Без тени молчаливого укора,
Ты совершила дьявольский обряд,
Чтоб избежать публичного позора.

И Сципион, повергший Карфаген
В уныние, безмолвие и трепет…
Скорее ждал твой безрассудный лепет,
Чем тихий стон, осевший между стен.

О, Софонисба, верная жена!
Гордился б ли тобой пленённый Сифакс,
Когда на грудь твою под вязью лифа
Стекали капли смертного вина?

Ты предпочла не милость и не гнев,
Увенчанные лаврами измены,
Ты предпочла кладбищенские стены
В тени седых оливковых дерев…

Теперь – не то. Всего страшнее смерть,
И жизнь течёт, оправданная страхом.
И вряд ли кто под шапкой Мономаха
Так предпочёл бы славно овдоветь.

ТИХИЙ ДОН

Помутился Дон от крови,
Затвердела костью степь.
На потерянной подкове
Не видна былая крепь.

Друг на друга, брат на брата –
Лихоманит Тихий Дон.
Без покойника — не хата,
Без рыдания — не стон.

По весне тоскуют пашни
Без уложенных семян.
После схватки рукопашной –
Лишь изрубленный бурьян.

С Дону тянуться подводы
От утра и до утра.
Всё мутней и гуще воды,
Всё пустынней хутора.

В той дремучей круговерти
Много сгинуло зазря –
Кто за землю и Советы,
Кто за веру и царя.

Вороньё кружит над полем,
Ищет ношу по себе.
От лихой казачьей воли
Только шрамы на судьбе.

СТРАНА

Резные ставенки, крылечки,
Густые заросли травы,
И всюду печки, печки, печки –
В ста километрах от Москвы.

У изб размашистые ели,
Беседки, лавки… Но, увы,
Пустуют детские качели
В ста километрах от Москвы.

А что сказать, когда за тыщу,
А как стерпеть, когда за две –
В остывших трубах ветер свищет,
Накувыркавшись по траве?

В горах теряются закаты,
В озёрах – отблески зари.
И в рыхлый мох врастают хаты
В трёх километрах от Твери.

НЕ СРОК

Скользнул обмылок по руке
И – на дощатый пол.
Жизнь задержалась в старике,
Сухом, как богомол.

Не жаль непрожитых годин
И прожитых не жаль.
Среди нечёсаных седин
Покоится печаль.

Ведь помирать старик решил,
Да тут, как на беду,
Берёзы много насушил
Он в нонешнем году.

Да что берёза – мёд стоит!
Пожалуй, фляги три…
А внук Андрюшка, паразит,
Не едет, посмотри…

И дров для бани навозил –
Свалили у крыльца,
Прибрать на место нету сил
Без внука-подлеца.

Жердей ореховых пяток
Лежит на чердаке:

«Для косовища – самый толк!» –
Засело в старике…

Лежит обмылок на полу.
Старик кряхтит в кулак:
- Ещё, пожалуй, поживу.
А то иначе – как?

* * *

– Как мы живём? Живём неплохо.
Оно, конечно… как сказать.
Но в целом ежели, Антоха,
Жить можно, можно. Правда, мать?

Вот дали к пенсии прибавку,
Рублей сто семьдесят, поди…
Министра – слыхивал? – в отставку!
Жизнь лучше станет, погоди.

Нам хлеб возили раз в неделю,
Теперь, пожалились, так – два!
При церкви сделали купелю,
А-то ведь старая – в дрова!

С «собеса», ента… Валька ходит.
Мы с ней, как водится, – чайку!
Как шефство к нам у ей, навроде,
А мне приятно, старику.

Да! Фельдшерицу отыскали!
А то уж год как никого.
Ей при медпункте угол дали –
С району ездить далеко.

Жить можно, можно… Мы со старой
Уж отложили, почитай –

Когда ребятам на подарок,
Когда себе на самый край.

Вот только знаешь что, Антоха,
Уж больно жалко молодёжь.
Работы нету, вот что плохо,
Отсюда – пьют, ядрёна вошь…

Замолк старик – припомнил были,
Хоть и придумать был мастак!
– А знаешь что, и мы ведь пили,
Да как-то, кажется, не так.

НЕ ПРИШЛАСЬ...

– Осподи, осподи, – шепчет старуха,
Потчуя гневом бесстыжую дочь, –
Ночь на дворе, а она, потаскуха,
Шастает где-то… И ночь ей не в ночь…

Девушка прячет лицо в полушалке,
Русые косы спадают на грудь.
Ей не себя, горемычную, жалко –
И без людей проживёт как-нибудь.

Жаль ей любви, расплескавшейся мимо –
Павшую наземь уже не собрать.
Думалось, это случится красиво,
А получилось, как прочила мать…

Месяц струился слабеющим светом
В окна последней по счёту избы.
Старость и юность искали ответа
У скуповатой на жалость судьбы.

В СТАРОМ ТРАМВАЕ

Старые москвички в стареньком трамвае
О своём, о бабьем, тянут разговор:
– Дочь вчера звонила…
– Ишь, не забывает. Где она?
– В Тюмени.
– Что ты! До сих пор?!
– Да, уже лет десять. Говорит, неплохо.
Вкалывает, правда, до ночи с утра.
– А мои – в Самаре. Тоже – слава Богу.
Не Тюмень, конечно, но и не дыра…

Помолчали. Тряско в стареньком трамвае.
Взвизгнула сирена где-то в стороне.
– Ты скажи мне, Соня, я не понимаю,
Что там обещает Прохоров стране?
– Сашенька, ну что он может дать народу?
Всё, что сохранили, разметелит в прах.
Посмотри на эту новую породу –
Где ты видишь совесть? Он же олигарх…

– Да, совсем забыла – заходила Мила,
Говорит, что будто Зойка померла.
Ну, ты помнишь, та, что в «котике» ходила,
А потом напротив Зотовых жила…

Замолчали снова. Может, из-за Зойки,
Может, потому что просто вышел пар.
Двадцать третий номер шёл по рельсам бойко,
Хоть и был, пожалуй, как москвички, стар.

ПРОВОДНИЦА

Текут красивые ресницы –
Устали гнать тяжёлый сон.
И мой пиджак на проводнице –
Попытка выдержать фасон

Стол сервирован по-простому:
Коньяк, конфеты, банка шпрот.
Я мчусь домой, она – из дому,
А может быть, наоборот.

Её бодрят мои рассказы
Про океан, про севера…
А я ведь не был там ни разу,
Я только выехал вчера.

Её открытые коленки
Смешно торчат из-под стола,
Звенят казённые тарелки
Из второсортного стекла.

Такого важного застолья
Давно не знал дорожный мир.
Я для неё не просто Толя,
Я – первый левый пассажир!

ДОРОГА

Мы смотрим с тобой на степи,
На голую плоть земли.
Колышется точкой стрепет
В колышущейся дали.
Колышется пол вагона
И выдувший чай сосед.
Буфетчица, как Мадонна,
Плывёт за тележкой вслед.
В Черниговке будут раки,
Вареники – в Пологах,
За Юрьевкой вспыхнут маки
На тонких своих ногах.
И было бы всё так просто –
Буфетчица, раки, зной…
Так нет же, нам мало роста
В обыденности такой!
Мы будем с тобой копаться
В природе простых вещей,
А я бы непрочь остаться
Профессором кислых щей.

ИЗ КОМАНДИРОВКИ

Я приехал. Сонный город
Для меня не грянул туш,
Сыпанул дождём за ворот
И блеснул полоской луж.

Ни букетов, ни оваций.
Вот тебе и отчий дом!
– До Раздольной за сто двадцать?
Что ж, спасибо и на том.

И с усталостью дорожной
Мрак ночи, соединясь,
Утопил в глуби тревожной
С днём вчерашним полусвязь.

* * *

Зонт мой забыт, как обычно, в прихожей.
Можно вернуться. Но нет:
Помню примету – выйдет дороже –
С тех ещё, детских, лет.

Тёмное небо надвинулось низко,
Прямо поверх голов.
Как хорошо, что до булочной близко –
Сто пятьдесят шагов.

Словно глазурью политая Любка,
Прыснет в большой кулак:
– Господи, ты же течёшь, как губка!
Люди, ну, не дурак?!

И обогнув на носках прилавок,
Сунет в подмышку куль:
- Два «Богородских» и «Чайный» – на вот,
Озеро Иссык- Куль!

* * *

Дожди, унылые дожди…
И нет просвета.
Лишь только тучи впереди,
Насмешка лета.

Земля наполнилась водой –
Нажми и прыснет.
И горизонт совсем седой
Над нею виснет.

И всё же в этой суете,
В сетях Ундины
Есть что-то радостное мне,
До чертовщины.

В безумстве ветра и воды,
В бессилье строчки
Мои вчерашние следы –
Уже следочки.

А вот когда ударит свет
Зарёй-кострищем,
Я на земле оставлю след –
Уже следище!

ЖИЗНЬ И ВРЕМЯ

Если вымерить жизнь по делам,
По серьёзным и сильным поступкам,
По следам на душе, по зарубкам,
По улыбкам, по горьким слезам –
Может статься, что Время и Жизнь,
Совпадая по точке отсчёта,
Но споткнувшись однажды о что-то,
Не пойдут уж – ни вместе, ни близ.

И когда подведётся черта,
За которой безжизненно семя,
У кого-то длинней будет Время,
Но в пределах его – пустота.
У кого-то длинней будет Жизнь,
Перепутав все генные коды,
Не вместившись ни в сутки, ни в годы,
И не раз возвратившись «на бис».

* * *

Я не чувствую этого времени,
Что крадётся, как мышь по траве,
Что стучит еле слышно по темени –
С беспокойством жены наравне.

Не расту, не умнею, и кажется,
Будто замерло время вокруг.
И мгновениям – времени стражницам –
До меня уж давно недосуг.

Где-то жизнь, где-то стонет и движется
Беспокойный, уверенный мир.
Я забыт, словно буковка ижица,
Отслуживших часов балансир…

Только брея щетину колючую, –
По морщинам, по цвету волос –
Замечаю, как будто по случаю,
Что и я в этом времени рос.

* * *

Сталистого цвета волны,
Чайки горланят дико.
Вчера ещё было больно –
До спазма в груди, до крика.

Сегодня не так. И странно:
Могу быть спокойным в горе,
Смотреть, словно вглубь экрана,
На вспененный пепел моря.

Я знаю, что так бывает,
Не чувствовал сам, но знаю.
Так птицы, своих теряя,
Теснее грудятся в стаю.

ПАМЯТЬ

Как своенравна память!
Лишнего не сболтнёт.
Знает, когда ослабить
Воспоминаний гнёт,

Знает, когда напомнить,
Сжать добела виски…
Как широченны поймы
Этой большой реки!

Мы научились править
Сотнями мелких «я»,
Но остаётся память –
Верный себе судья.

ЗЕМЛЯ

1.

О, как же стыдно нам перед землёй!
Мы сотню лет её не брали в руки –
Так, чтоб с душой размять комок сухой,
При этом не боясь запачкать брюки.

Чем искупить грехи перед землёй,
Родившей нас на радость и на горе?
Чем заплатить за временный постой
На приютившем нас земном просторе?

Как оправдаться нам перед землёй
За наши лжеземельные науки?
Мой прадед землю пробовал сохой,
А чем её возьмут, простите, внуки?

2.

Какой же долг отдать земле авансом,
Чтобы когда закончатся дела,
Она мой прах, как плод недолгих странствий,
На вечное хранение взяла?

Какую дань мне заплатить потомкам,
Чтоб через десять, двадцать, тридцать лет
На месте том под каменным обломком
Цвёл по весне невзрачный первоцвет?

ЕСЛИ ДАЖЕ
Я СКАЖУ
«НЕ ЛЮБЛЮ»…

ВЕСНА

Жаворонки!
В небе жаворонки!
Вот и пришла весна!
Настежь раскрыты ставеньки,
Хмурые ото сна.
Брошены в угол валенки.
В пёстрых заплатах высь.
В небе резвятся жаворонки,
Это проснулась жизнь!

В ПАРКЕ

Здесь даже солнце лишь на ощупь
Едва касается листвы,
И ветры ласково полощут
Ковёр из шёлковой травы.

И я, забыв про огорченья
И суету последних дней,
Душе нашёл уединенье
В тени берёз и тополей.

Как будто в первый раз почуял
Природы девственный покой.
Охвачен негою, молчу я,
Не слабоумен, не изгой…

Как мало в этой жизни надо:
Не суетиться, не спешить.
Живёшь, как думаешь, – и ладно.
Вот тем и нужно дорожить.

* * *

Сметали первые стога
На зеленеющих покосах.
Цветеньем трав пестрят луга,
Купаясь в предрассветных росах.

На ближних выпасах стадам
Ещё и сытно, и привольно,
И резвый бык по кличке Хам
Мычит блаженно и довольно.

Нет-нет, тугой щелчок кнута
Нарушит сладкий дух покоя,
Скучна пастушечья верста
От сочных трав до водопоя.

Счастливый жаворонок вдруг
Взметнётся ввысь над ярким долом,
Чтоб спеть любимой из подруг
Своё блистательное соло.

Жива пока природы плоть,
Жив дух её, пока нетленный.
Пока блажен на свете тот,
Кто духом тем благославенный.

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето, бабье лето,
Разудалая пора!
Ходишь с милой до рассвета –
Не расстаться до утра.

Месяц светел, травы сухи,
Под ногой листва дрожит.
От девичьей оплеухи
Как огнём, щека горит.

На скамейках старушонки
Моют кости – только тронь,
А девчонки смехом звонким –
Только маслица в огонь!

Мама сына видит редко,
А ему всё трын-трава.
Что поделать, коль соседки –
То девица, то вдова.

ПОСЛЕ СНА

Я утром встал – ещё казалось
Во все глаза смотрела ночь,
Земля с прохладой не прощалась
И тьма не шла от окон прочь.

Не гасли звёзды над амбаром,
Не бряцал вёдрами сосед,
Лишь вдалеке за Белым Яром
Уже хозяйничал рассвет.

Не то тоска, не то тревога
В груди, как талая вода:
Мне снилась дальняя дорога,
Да не припомнится – куда?

Мне снились робкие объятья,
Да не припомню только – чьи?
И звук шагов, и шорох платья,
И блеск расплавленной свечи…

Закрыть глаза? Пусть дух Морфея
Ещё чуть-чуть послужит мне:
Я должен вспомнить, что за фея
Неслась по лугу на коне...

О НЕЙ

В ней всё непросто, необычно…
Как будто сотни горных эх
Слились в густом многоязычье,
Понятном, впрочем, не для всех.

В ней всё непросто, но изящно
Всё надо пробовать на вкус.
Я рядом с ней — немтырь молчащий,
А чуть поодаль — златоуст.

В ней всё непросто, непохожа
Ни на кого. И потому
Она становится дороже
Не только сердцу, но уму.

* * *

Я пишу на стекле твоё имя.
На холодном оконном стекле.
Это имя не просто любимой,
Это жизнь замирает во мне.

За окном непогода и слякоть,
Стынут голые ветви берёз.
Облаков грязно-серая мякоть
Растянулась, как ветхий обоз.

И листва потемнела, и травы
Обречённо прижались к земле…
Не ищу я вчерашней забавы,
Вся забава — на мокром стекле.

За окном день проносится мимо.
Мне пора бы понять, что влюблён.
Я пишу не спеша твоё имя…
Вот уже восемнадцать имён.

* * *

Ты знаешь, с какого чудесного утра
У нас начинается день?
Высокое небо в тонах перламутра,
На листьях дрожащая тень,
Прохладного воздуха мягкие струи –
Ещё не проклятие дня,
И всадником юным в серебряной сбруе
Бежит горизонт от меня.
Ты знаешь… ведь мне не хватает всего-то
Двух правил, забытых тобой –
Чтоб ты прилетала ко мне по субботам
И…не торопилась домой.

* * *

Привокзальная площадь. Толпа, суета.
Чемоданы, коляски, галдёж, паспорта…
На часах без немного двенадцать.
Наплевать бы на всё – и остаться!

Ветер гонит листву под высокий бордюр.
Ему – что? Он свободен. То весел, то хмур
Он в экстазе безумного танца…
Наплевать бы на всё – и остаться!

Объявили посадку. Ещё полчаса –
И я тоже умчу за леса, в небеса.
Что с того, что хочу я остаться,
Если ты не даёшь даже шанса?

ОЖИДАНИЕ

В ожидании – вот в чём, милая,
Бесконечный разгул тревог,
Неприкаянность и уныние,
И безумие, не дай Бог.

В ожидании часто сходятся
Устье времени и исток.
И разлучница в нём, и сводница,
И попутчица, не дай Бог…

МЕЩАНСКИЙ БЛЮЗ

Мы с Вами обязательно попьём
Душистый чай со вкусом бергамота
И разговор неспешный поведём
Ну, например, о прозе Мацумото.

И никаких намёков о любви,
Не дай нам бог заговорить об этом.
Уж лучше - мухаммасы Навои
Или да Винчи дамские портреты.

Глаза в глаза мы будем говорить
О мысах Кабу-Бранку и Седова,
Мы будем нить терять и находить,
Но о любви, конечно же, ни слова.

В розеточках варенье из айвы,
В нём ложечки блестят из мельхиора…
Мы с Вами не теряем головы
В глубоких лабиринтах разговора.

Бушуй, гроза, ломай, круши, дави!
Из сердца вон поганую кручину!
Мы ничего не скажем о любви.
И оба знаем этому причину.

* * *

В свои сорок пять
Она не умела
Красиво подать
Красивое тело,
Красиво сказать,
Когда это надо,
Красиво солгать
Без примеси яда.

В свои сорок пять
Она не умела
Назвать бесполезным
Любимое дело,
Открыть, как ларец,
Бесподобную душу –
Ни брату, ни свату,
Ни сыну, ни мужу.

В свои сорок пять
Не умела она
Понять, что на свете
Такая одна.
А я почему-то
В свои тридцать пять
Не мог ей ни разу
Об этом сказать…

ТАКАЯ ЛЮБОВЬ

Про эту любовь говорили не много.
Она не топталась у всех на виду.
Спросила на то позволенье у Бога
И спряталась, словно пичуга в саду.

С зарёй, чуть не с первой, она просыпалась,
С закатом таилась, ночей не ждала.
Была целомудренной – так ей казалось,
Но раз, не проснувшись, она умерла.

Ни вздоха, ни стона, ни скорбного слога.
Не вздёрнуты плечи, не вскинута бровь.
Она умерла, не спросившись у Бога.
И всё же она называлась любовь…

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ

Вальс объявили белым танцем.
Я тыщу лет не танцевал.
А ты, украшена румянцем,
Поставив наскоро бокал,
Присела в кротком реверансе
Передо мной, передо мной
И закружила в белом танце,
О, боже мой, о, боже мой!

Мелькали лица, лица, лица,
Богатых тканей пересвет…
За пять минут успел влюбиться
На много лет, на много лет.
С тех пор я каждое мгновенье
С восторгом в памяти храню.
И с тех же пор (о, наваждение!),
Я белых танцев не люблю.

* * *

Если хочешь, я стану соколом,
В синем небе парящим точкою.
Если хочешь, я буду около,
Прочертив это небо строчкою.

Если хочешь, я стану ландышем,
Настоящим, не гуттаперчивым.
Если хочешь, я буду рядышком,
В твои кудри вплетясь доверчиво.

Если хочешь, я стану парусом
И изведаю страны дальние.
Если хочешь, я буду Парисом
И возьму тебя в жёны тайные.

Мне не нужно ни сна, ни отдыха,
Лишь бы видеть тебя, сердечную.
Я согласен быть просто воздухом,
Чтобы быть с тобой веки вечные.

* * *

Я бы спел тебе другую песню –
Как листву срывает с тополей,
Как хочу умчать с тобою вместе
Вслед за плавным клином журавлей,

Как приметы осени унылой
Для свиданий тайных хороши –
Так, чтобы промокнуть что есть силы
И согреться где-нибудь в тиши,
Как круги расходятся по лужам,
Словно мысли в пьяной голове,
Что мне очень, очень, очень нужно
Хоть немного нравиться тебе…

ТВОЙ ДЕНЬ

И снова вечер за окном,
День пролетел – обычный случай.
Не говори себе о том,
Что он других ничем не лучше.

Он был, действительно, хорош.
Ведь для тебя, красивой самой
С утра шёл дождь, упрямый дождь,
Блестя хрустальными слезами.

Потом в небесной синеве
Купалось солнце до заката,
Кружился ветер по траве,
И всё спешил, спешил куда-то.

Взрывался в небе птичий хор
Многоголосием созвучий,
Цвели луга, лаская взор –
Всё для тебя, для самой лучшей.

Седыми струями клубя,
Туман искал ночное ложе –
Он красовался для тебя,
Он соблазнял тебя, похоже.

День был действительно хорош –
В нём словно уместилось лето.
И на другие не похож –
Теперь ты точно знаешь это.

* * *

Если даже я скажу «не люблю»,
Ты ведь знаешь, это только слова.
До тебя я жил, как кум королю,
Был свободен, как под ветром трава.

Просыпался и не думал о том,
Чем под вечер успокоится день –
Под его благословенным крылом
Добросовестно отбрасывал тень.

А теперь я, словно паинька-паж,
За тобой иду бездумно след в след,
Пью любовь из одурманенных чаш
И ловлю твой заколдованный свет.

Песни грустные на зорях пою,
До закатов доживаю едва…
Если даже я скажу «не люблю»,
Ты ведь знаешь, это только слова.

ВСТРЕЧА

Я тебя сегодня встретил,
Как обычно, на бегу.
Пробежал бы – не заметил,
След оставив на снегу.

Я спешил. И ты спешила.
Я с работы. Ты – домой.
И неведомая сила
Нас опять свела с тобой.

Два коротких, быстрых взгляда –
Словно молния в ночи.
По глазам прочёл: «Так надо»,
По губам прочёл: «Молчи…»

Раз мгновенье, два мгновенье –
И толпа, скрывая след,
Обернула серой тенью
Твой внезапный силуэт.

* * *

Если в будущем житейские шторма
Отберут тебя совсем. И ты сама
Изберёшь тот путь, в котором нет меня,
Я пришпорю белогривого коня,
Ускачу за горизонт в немую даль,
Где луга – тобой оброненная шаль,
Где гуляют ветры, травы теребя,
Где никто не запретит любить тебя!

НАША ОСЕНЬ

Как художник безымянный,
Расписала всё кругом
В жёлтый, бронзовый, багряный
Под лазурным козырьком.

Скоро ветры загуляют,
Листопады закружат,
И забудется печалью
Наш с тобой любимый сад.

А по серому по краю
Вдоль угрюмых низких туч
Пробежит, легко сверкая,
Запоздалый солнца луч

И нырнёт в макушки сосен,
Поднимая вороньё…
Вот, любимая, и осень.
Нет порядка без неё.

* * *

В чёрном небе облака,
Как судьбы седые клочья,
Смотрят хмуро свысока,
Упиваясь этой ночью.

Предсказать грядущий день
И не станут, и не смогут.
И ползёт по лужам тень
Потихоньку, понемногу.

Красно-бурая листва
Липнет к мокрым тротуарам.
А ведь знаешь, ты права,
Мы давно уже не пара.

Наша осень началась
Не сегодняшним ненастьем.
Под ногами хлябь да грязь,
Как размоченное счастье.

НЕ ЖДИ

Не жди меня. Твои тревоги
Напрасно сдавливают грудь.
Мои последние дороги –
Уже не наш вчерашний путь.

Мы слишком долго были глухи,
И слепы были – что мертвы…
Как в паутине дохнут мухи,
Так гибли мы в своей любви.

Мы задыхались не от счастья,
От вечных поисков его.
Искали святости и страсти –
У Санд, Верлена и Гюго.

Не жди меня. Такой свободы
Ещё не знали мы с тобой.
Пол-жизни мы искали броды,
А броды были за спиной…

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как весной возрождается жизнь
В колыбелях безмолвной природы,
Как мечта устремляется ввысь,
Износившись за долгие годы,

Так и я возвращаюсь к тебе
После поисков правильных истин,
Тыщу раз усомнившись в себе –
Постаревшим, уставшим, но чистым.

Я, как путник, что, сбившись с пути,
Вдруг находит дорогу обратно.
Я к тебе возвращаюсь. Прости,
Как прощала уже многократно.

Пусть в заплечной суме – ничего,
Но и камня в груди больше нету.
Я узнал, что страшнее всего –
Не вернуться…
Как просто всё это.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Фролов. *«Если вымерить жизнь по делам»*.....3

СОВПАДАЯ ПО ТОЧКЕ ОТСЧЁТА.....5
«Сколько ни слышал я звон колокольный...».....6
Перед грозой.....7
Крещенские морозы.....8
Радоница.....9
Сестре.....10
«Где ты, незрелая юность?...».....11
На рыбалке.....12
«Я помню эту старину...».....13
Матильда.....15
Софонисба.....16
Тихий Дон.....17
Страна.....18
Не срок.....19
«Как мы живём? Живём неплохо...».....21
Не пришлась.....23
В старом трамвае.....24
Проводница.....25
Дорога.....26
Из командировки.....27
«Зонт мой забыт, как обычно, в прихожей...».....28
«Дожди, унылые дожди...».....29
Жизнь и время.....30
«Я не чувствую этого времени...».....31
«Сталистого цвета волны...».....32
Память.....33
Земля.....34

ЕСЛИ ДАЖЕ Я СКАЖУ «НЕ ЛЮБЛЮ».....35
Весна.....36
В парке.....37
«Сметали первые стога...».....38
Бабье лето.....39
После сна.....40
О неё.....41
«Я пишу на стекле твоё имя...».....42
«Ты знаешь, с какого чудесного утра...».....43
«Привокзальная площадь. Толпа, суета...».....44
Ожидание.....45
Мещанский блюз.....46
«В свои сорок пять...».....47
Такая любовь.....48
Белый танец.....49
«Если хочешь, я стану соколом...».....50
«Я бы спел тебе другую песню...».....51
Твой день.....52
«Если даже я скажу «не люблю»...».....53
Встреча.....54
«Если в будущем житейские шторма...».....55
Наша осень.....56
«В чёрном небе облака...».....57
Не жди.....58
Возвращение.....59

Игорь Малышев

В СТА КИЛОМЕТРАХ ОТ МОСКВЫ

Лирические стихотворения

Дизайн, вёрстка - О. Гладкова

Издатель Александр Воробьёв

Лицензия ИД № 00283 от 1 октября 1999 г.
выдана Министерством Российской Федерации
по делам печати.ю телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Подписано в печать 19.05.2014. Формат 70x108 1/32.
Бумаа офсетная. Усл. печ. л. 1,8. Тираж 500 экз. Заказ № 22.
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48
E-mail: orlik_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru

Отпечатано ООО «Типография «Вариант»,
г. Орёл, ул. 3-я Курская, 20 www.variant-orel.ru